

Художественный текст на пересечении культур

УДК 821.161.1:82.09

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161

«ПОЛТАВА» В АНГЛИЙСКОЙ ПУШКИНИСТИКЕ XX ВЕКА: КАНОН, ПАРАДИГМА, МЕХАНИЗМЫ*

С. Б. Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье исследуется становление английской пушкинистики в период 10–40-х гг. XX века с акцентом на общей линии осмысления «Полтавы» Пушкина в связи с применением приема сопоставления поэта с Петром I. Доказывается, что этот вопрос не получил должного научного освещения. Делаются промежуточные выводы относительно логики развития английской пушкинистики. Доказывается, что в форме устоявшегося канона она была сформирована к 1950-м гг. в научно-просветительских книгах М. Бэринга, Д. Мирского и Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Утверждается, что концепция пушкинского творчества повлияла как на книги Лаврина и отчасти Мирского, так и на английскую пушкинистику в целом. Приметой английского пушкиноведческого канона стала культурно-историческая парадигма филологического исследования, совмещенная с этнофилософским подходом к изучению национальной литературы, вниманием к биографии поэта и к общим особенностям художественной формы и содержания произведения. Определено, что на становление канона английской пушкинистики значительное воздействие оказали работы Достоевского и Мережковского о Пушкине. Контекстом, опосредующим это воздействие, выступили имагологические механизмы уподобления и упрощения. С их помощью творчество Пушкина было вписано в такие близкие английскому читателю понятийные категории, как «европейское», «английское», «универсальное», «гениальное», «человечное». Выявлено, что «русское» на примере Пушкина (и Петра) представало одновременно вбирающим в себя «европейское», присваивающим его и — входящим в «европейское», расширяющим его изнутри.

Доказано, что монография Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (1971) открывает собой новую страницу в истории английской пушкинистики. Уходя от культурно-исторического метода и этнофилософского подхода к литературе, исключая работу имагологических механизмов в литературоведческом исследовании, эта книга предлагает новые ориентиры: сравнительно-историческую парадигму в сочетании с методикой пристального чтения и вниманием к советскому пушкиноведению.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Ключевые слова: английская пушкинистика; поэма А. С. Пушкина «Полтава»; научная парадигма; имагологические механизмы; Морис Бэринг; Янко Лаврин; Дмитрий Мирский.

Цитирование: Королева С. Б. «Полтава» в английской пушкинистике XX века: канон, парадигма, механизмы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 148–161. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161.

“Poltava” in English Pushkin Studies of the 20th Century: The Canon, the Paradigm, and the Mechanisms

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the development of English Pushkin studies in the period between the 1910s and the 1940s, with an emphasis on the general line of understanding Pushkin’s “Poltava” in connection with the use of the technique of comparing the poet with Peter the Great. It is argued that this issue has not received proper coverage by scholars. Interim conclusions are offered in this respect. It is proved that, in English literary criticism, Pushkin studies formed an established canon by the 1950s through the books by M. Baring, D. Mirsky, and Y. Lavrin about Pushkin and Russian literature. It is argued that Baring’s concept of Pushkin’s personality and creative development influenced both the books by Lavrin and (partly) Mirsky, as well as English Pushkin studies in general. The hallmarks of the English canon of Pushkin studies lie within the cultural paradigm of philological research combined with an ‘ethnophilosophical’ approach to the study of national literature; attention to the poet’s biography and to the general features of the artistic form and content of the poet’s works are also significant for English Pushkin studies of this period. The author demonstrates that the canon of English Pushkin studies was significantly influenced in this initial period by works of Dostoevsky and Merezhkovsky about Pushkin. Imagological mechanisms of assimilation and simplification served as mediators of this impact: through their prism, Pushkin’s works were inscribed into such conceptual categories as “European,” “English,” “universal,” “brilliant,” and “humane,” which are close to the English reader. It is argued that the general concept of “Russian,” based on Pushkin’s “Poltava” and the comparison between Pushkin and Peter the Great, appeared to simultaneously absorb and appropriate the “European” and to enter into the “European,” expanding it from the inside. It is argued that John Bayley’s monograph “Pushkin. Comparative Commentary” (1971) opens a new page in the history of English Pushkin studies. Moving away from the cultural method and the ‘ethnophilosophical’ approach to literature and excluding imagological mechanisms from literary research, this book offers new guidelines: a comparative historical paradigm combined with a method of close reading, and attention to Soviet Pushkin studies.

Key words: English Pushkin studies; poem by A.S. Pushkin “Poltava”; research paradigm; imagological mechanisms; Maurice Baring; Yanko Lavrin; Dmitry Mirsky.

Citation: Koroleva, Svetlana B. (2024) “Poltava” in English Pushkin Studies of the 20th Century: The Canon, the Paradigm, and the Mechanisms. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 148–161. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161.

1. Введение

История английской пушкинистики первой половины XX века, в целостности процессов конструирования и транслирования общих идей (смыслового центра), борьбы частных смыслов (периферии), (возможной) смены литературоведческих парадигм, еще не написана: не определены этапы ее развития, системно не выделены ключевые персоналии, не определена роль этих персоналий в складывающемся английском каноне осмысления личности и творчества Пушкина — каноне английской пушкинистики.

При этом существенное значение первой половины XX века для становления общего англо-американского канона было отмечено уже в предисловии к списку работ Пушкина и о Пушкине на английском языке, составленному русским эмигрантом, американским литературным критиком и переводчиком с русского А. Ярмолинским к юбилею 1937 г. В нем автор-составитель указывает, что если в 1899 г. — к 100-летию юбилею со дня рождения поэта — на английском языке появилось не более «полудюжины» публикаций, связанных с его именем, то в 1937 г. таких публикаций было около ста, включая «исследования» (*critical studies*), «пространную биографию» (вторую на английском языке — *ample biography of the poet, which supersedes the only other work of the kind*) и «томик избранных произведений» Пушкина, представляющий его творчество весьма разносторонне (*a comprehensive selection of Pushkin's works in one volume*) (Yarmolinsky 1937: 6).

На основную причину роста интереса к Пушкину с конца XIX века в Англии, как на Западе в целом, указал в свое время профессор А. Л. Григорьев. В работе «Пушкин в зарубежном литературоведении», вошедшей в седьмой том «Исследований и материалов» (1974), он отметил, что «интерес к Пушкину вырос под воздействием международного успеха русского романа в последнее десятилетие минувшего века» (Григорьев 1974: 224), и указал на два факта, доказывающих эту взаимосвязь: если еще в 1896 г. Георг Брандес «отрицал оригинальность Пушкина и причислял его к подражателям Байрона», то в монографии Э. Омана, опубликованной в 1911 г., поэт охарактеризован как «родоначальник позднейшей русской литературы», «отец великого века, только что завершенного Львом Толстым» (здесь и далее перевод мой. — С. К.) (Haumant 1911: 139).

В этой работе А. Л. Григорьева отмечено существенное воздействие русской революции 1917 г. на интерес западной литературной критики к Пушкину; указано, что к 1937 г. в ней стала признаваться значимость пушкинского творчества для мировой литературы; выделен в западных работах о Пушкине 1920–1930-х гг. такой специфический параметр оценки его творчества, как шкала «консерватизм — демократизм». Григорьев поднимает важные вопросы истории западной

пушкинистики, связанные с культурно-историческими, собственно литературными и имагологическими процессами. При этом они не столько решаются, сколько намечаются в статье обзорно-аналитического характера; и намечаются без учета особенностей формирования английской пушкинистики.

Между тем о таких особенностях, равно как о формировании канона английской пушкинистики в 1910–1940-е г., вполне можно говорить, учитывая значение работ Мориса Бэринга для развития английской пушкинистики. Это значение в 1946 г. было отмечено в еженедельнике «Британский союзник» (издававшемся в СССР на русском языке Министерством информации Великобритании), в статье «К смерти Баринга» (Гольшева 1962: 114): проводя мысль о глубоком воздействии его «Очерка русской литературы» и «Оксфордской антологии русской поэзии» на общее представление английского интеллектуального читателя о русской литературе, авторы статьи особое внимание уделяют его переводам из Пушкина, в частности переводу пушкинского «Пророка» (Британский союзник 1946: 10).

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования послужили научно-просветительские монографии М. Бэринга, Д. Мирского, Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Фокус исследовательского внимания был сосредоточен на фрагментах, посвященных исследованию пушкинской «Полтавы», а также на высказываниях, относящихся к Петру I, его роли в русской истории и взаимоподобии Петра и Пушкина. Вместе с тем дополнительными источниками материала послужили отечественные и английские исследования об английских пушкинистах, западной пушкинистике, о М. Бэринге и Д. Мирском, а также работы М. Бэринга этнофилософско-исторического характера («Русский народ», «Истоки России») и книга Дж. Бейли о Пушкине, открывающая собой новую страницу в истории английской пушкинистики.

Методология исследования включает в себя как общенаучные методы наблюдения, анализа, сопоставления, обобщения, так и собственно литературоведческие методы: биографический, культурно-исторический, герменевтический, сравнительно-исторический, семиотический, формальный. С опорой на последние выявляются научные ориентиры в методологии английской пушкинистики 1910–1940-х гг. Общенаучные методы позволяют системно проанализировать работы английских литературоведов с точки зрения общей логики развития пушкиноведческих исследований.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Морис Бэринг (Maurice Baring) — английский дипломат, журналист, поэт, писатель, переводчик, искренний русофил (Супрун 2007; Володько 2018; Королева 2023) — сыграл ключевую роль в формировании пушкиноведения в Англии в начале XX века. Главу о Пушкине из его книги о русской литературе упоминает «автор лучших на английском языке книг по истории русской литературы» (Казнина 1990: 218), «главный спец по русской литературе для англофонов» (Ефимов 2019) (имевший с Бэрингом личное знакомство еще с петербургских времен) Д. Святополк-Мирский в своей монографии 1926 г. (*Pushkin*): он выделяет «восхитительный» прозаический перевод пушкинского «Пророка» в этой главе (Mirsky 1926: 98). И в статье 1983 г., написанной выдающимся английским пушкинистом, преподавателем Оксфордского университета, автором монографии о Пушкине (*Pushkin: a Comparative Commentary*, 1971) [Bailey 1971] Джоном Бейли (John Bailey), содержится прямая отсылка к пушкиноведческим работам М. Бэринга. Двигаясь от Набокова, его размышлений о Пушкине и его переводе «Евгения Онегина», Бейли переходит к комментированию наблюдений Бэринга о высокой простоте и ясности пушкинской лиры и, воссоздавая логику раздела о Пушкине из бэринговского «Очерка истории русской литературы», говорит одновременно о «русскости» и «универсальности» пушкинского гения (Bailey 1983).

Концепция творчества русского поэта, в общих чертах изложенная Бэрингом в «Вехах русской литературы» (*Landmarks in Russian Literature*, 1910) и более содержательно в «Очерке русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914), была воспроизведена им и в предисловии к авторитетной «Оксфордской антологии русской поэзии» (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925 [Baring 1971]). Соответственно, не только в своих научно-просветительских книгах, но и в учебно-методическом труде, выдержавшем за период 1920–1960-х гг. восемь изданий, М. Бэринг имел возможность отстаивать представления о том, что пушкинская поэзия наделена «здравомыслием» (*common sense*), «близостью к факту» (*matter-of-factness*), «пластичностью» (*plasticity*) и «несравненной красотой» (*incomparable beauty*) (Baring 1912: 27); что в ней универсальность совмещена с национальной самобытностью (*'universality', 'all-embracing humanity <...>, which makes him so profoundly Russian'*) (Baring 1915: 96); что ее одновременно отличает «божественная легкость» (*'divine ease'*) и «чувство меры и пропорции» (*'sense of balance and proportion'*) (Baring 1912: 27, 1915: 97).

Вместе с тем не только собственно эстетические, но и культурно-исторические и «этнофилософские» характеристики значимы для размышлений М. Бэринга о Пушкине и русской литературе. Собственно, сами эстетические характеристики в книгах Бэринга отчасти имеют этнофилософское объяснение:

чертами «здорового смысла», «пластичности», «человечности» и даже одаренности Бэринг в других своих книгах характеризует русский народ в целом (Baring 1911: 49, 53, 1914: 60). Афористически высказывая свою убежденность в том, что национальная поэзия глубоко связана с народной душой, народным характером, Бэринг заключает свое «Введение» к «Оксфордской антологии» русской поэзии такими словами: «Русская поэзия выражает русскую душу <...> То, что ею выражено, — это духовный жар, братское сочувствие, великодушная мудрость...» / *Russian poetry expresses the Russian soul. <...> What it expresses is a spiritual flame, a fraternal sympathy, a great-hearted wisdom...* (Baring 1971: xliv).

Что же касается культурно-исторического метода, то он очевиден и в общей логике рассказа об истории русской литературы, и в главе о Пушкине в его «Очерке русской литературы». Она, в частности, начинается с рассказа о подъеме национального самосознания в среде русской интеллектуальной элиты в связи с победой над Наполеоном; значительное место отводится в ней контексту тайных политических обществ, разгрому декабристского восстания, воздействию «Истории государства Российского» на современников, высокой ее оценке Пушкиным.

С позиции совмещения культурно-исторического подхода с биографическим и герменевтическим взглядами на художественное произведение Бэринг кратко комментирует вопрос о месте «Полтавы» в пушкинском творчестве. Его комментарий открывается указанием на время и место написания поэмы (1828 г., Санкт-Петербург, написана за один месяц) и продолжается лаконичным указанием на значимость двух сюжетных линий в ней: лирической (главным действующим лицом которой является Мазепа) и эпической (героем которой является Петр Великий). Прохладную реакцию современников на поэму Бэринг объясняет движением Пушкина в ней от байронической лироэпики к поэтике историко-героического эпоса. В сноске же поясняет, что Пушкин полемически ориентировался на байроновскую поэму и, намереваясь первоначально назвать свое произведение «Мазепа», отказался от этой идеи, чтобы не сойтись в этом с Байроном. Заканчивается комментарий акцентом на способе изображения в «Полтаве» Петра I: «Поэма – своеобразный монумент Петру Великому; кажется, что в нее глубоко проникли и пылкая гениальность этого великого монарха, и его страстное желание достичь [технологического] мастерства» / *The poem is a fit monument to Peter the Great, and the great monarch's impetuous genius and passion for thorough craftsmanship seem to have entered into it* (Baring 1915: 73).

Очевидно, что, схватывая самые общие черты поэтики и содержания «Полтавы», Бэринг не стремится к точной и детальной обрисовке характеров, кропотливому анализу сюжета, характеристике системы мотивов и образов в поэме.

Единственный аспект, который в ней акцентирован, — это двойное возвеличение Петра в поэме: как героя эпического сюжета и как гения, чей внутренний огонь как бы проникает в самую ткань поэтического текста. Такое акцентирование параллели «Петр I в политике — Пушкин в поэзии» предстает закономерным в контексте мысли, которой Бэринг практически заключает свои размышления о пушкинском гении и месте Пушкина в русской литературе: «Пушкин — национальный поэт России, Петр Великий в поэзии, создавший из иностранного нечто новое, национальное и русское, оставивший будущим поколениям нетленные эталоны [творчества]» / *Pushkin is Russia's national poet, the Peter the Great of poetry, who out of foreign material created something new, national and Russian, and left imperishable models for future generations* (Baring 1915: 95–96).

В этой параллели, очевидно, сказывается многое; в первую очередь влияние Мережковского (Капа 2022) — писателя, несомненно, хорошо известного Бэрингу своими литературно-критическими работами (о них он положительно отзывается в других главах своего «Очерка» [Baring 1915: 147]). Как известно, именно Мережковский ввел в пушкиноведческий дискурс тактику уподобления Пушкина Петру как «первообразу самого поэта», «герою русского подвига»: «Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию», — утверждает Мережковский в статье о Пушкине, написанной в 1896 г. и опубликованной в составе нашумевшего сборника «Вечные спутники» (1897). Более того, в статье Мережковского интерпретация третьей песни «Полтавы» полностью стоит под знаком идеи взаимоподобия гениев царя и поэта и сопровождающей ее идеи воплощения в нем «могущества, скрытого в русском народе» (Мережковский 2007: 277, 279).

Воздействие Мережковского приобретает особое значение в английском контексте, поскольку накладывается на избираемую тактику сопоставления малоизвестного с известным (английскому читателю имя русского поэта, конечно, менее известно, чем имя русского царя, несколько месяцев изучавшего в Англии социальные порядки и различные технологии и оставившего по себе яркие воспоминания), а также на тактику подключения имагологических коннотаций: образ Петра I в английской культуре в целом оценивается чрезвычайно положительно, за ним закреплены ассоциации с такими смыслами, как «“английскость” (с точки зрения определенной демократичности и энергичности)» и «проанглийскость (с точки зрения готовности перенимать английский опыт)» и, соответственно, «прогрессивность», «способность заимствовать чужое и превращать в свое», «способность рационально и кардинально реформировать старое» (Королева 2021: 82–90).

Не случайно в ассоциировании Пушкина с Петром Великим у Бэринга участвуют семантические оппозиции «национальное» — «русское», через которые обнаруженная параллель подключается к «этнофилософскому» осмыслению

обоих как выразителей русской души, русского характера. Исследованию этих тонких материй посвящены другие его работы — книги историко-культурологического характера «Русский народ» и «Истоки России»; в первой из них, как отмечено выше, выделены такие общие для русского народа, Пушкина и Петра качества, как пластичность, адаптивность и одаренность энергией. В контексте этнофилософского осмысления «Полтавы» ведущей темой в ней для Бэринга является не история, не личность в истории, не мятеж и предательство, но «сверходаренность» энергией (*extra flip of energy* [Baring 1915: 49]) как ведущая характеристика образа Петра, стиля поэмы и народа, стоящего за ними.

Пристальным вниманием к особенностям поэтики «Полтавы» отличается фрагмент монографии Д. С. Мирского «Пушкин», посвященный поэме. В истории английской пушкинистики эта монография не сыграла значительной роли: как указывает заслуженный профессор Оксфордского университета Джеральд Смит, «вот уже почти девяносто лет написанная Мирским по-английски “История русской литературы” имеет статус классической. При этом остальные англоязычные книги Мирского (достаточно назвать две наиболее значительные — “Пушкин” и “Россия: социальная история”) хотя и переиздавались время от времени, но для западного читателя остались периферийными» (Смит 2014: 5).

Возможно, причины прохладного отношения английского читателя к книге Мирского о Пушкине следует искать в том, что, в отличие от Бэринга, он не опирается на «этнофилософскую» стратегию, не привлекает имагологические коннотации, не подчеркивает роль английской литературы в развитии эстетических взглядов русского поэта. Следуя связанной с русским формализмом логике внимания к литературной форме (Смит 2014: 15) и обнаруживая собственные мировоззренческие «антимещанские» и героически-трагические установки (Ефимов 2019) (отчасти схожие с установками, обнаруживаемыми в эссе Мережковского о Пушкине), Мирский отмечает в «Полтаве» совмещение в поэтике произведения жанровых признаков лироэпической байронической поэмы и поэмы собственно эпической, героической; указывает на изменение голоса автора, который теряет безграничность своего эмоционально-лирического присутствия и приобретает характеристику дистанцированности и функцию объективного рассказывания; определяет две сюжетные линии поэмы как «романтическую» и «героическую».

При этом Мирский подчеркивает, что образ Петра возведен в поэме на «полубожественную» (*semi-divine*) высоту и что пафос поэмы «полностью патриотичен» (*wholly patriotic*). Объяснение этому пафосу в книге Мирского дается героико-историческое и психологическое: победа в Полтавской битве, описанию которой посвящена вся третья песнь поэмы, «стала фундаментом современной России» / *is the foundation of Modern Russia* (Mirsky 1926: 115). Пушкин же

с «Полтавы» «все более и более ассоциирует себя с народом, точнее, с Империей, с государством» / *more and more identifies himself with the Nation, or rather with the Empire, with the State* (Mirsky 1926: 115). Поэт вырастает, в логике «космического пессимизма» Мирского (Мирский 2014: 64–65), в человека, способного над своим гением поставить должное в большом героическом пространстве.

В послевоенной научно-популярной книге «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947), вышедшей в серии «Самоучитель по истории» (*Teach yourself history library*) из-под пера Янко Лаврина — профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д. Мирского с начала 1920-х, — ярко выражена «бэринговская» стратегия обращения к английскому интеллектуалу. Это, в частности, касается подключения имагологических механизмов упрощения и уподобления «чужого» «своему», муссирования параллели «Петр Великий в политике — Пушкин в поэзии», «этнофилософского» поворота. При этом в усилении и способе работы механизмов имагологического характера сказывается, по всей видимости, социокультурное (отчасти и политическое) сближение двух стран в контексте победы над нацизмом и гитлеровской Германией.

Во вступительном замечании автор делает акцент на том, что «особое внимание» к Пушкину в его книге объясняется «наиболее животрепещущей связью» его творчества «с английской литературой» / *Special attention has been paid to Pushkin as the most vital link between Russian and English literature* (Lavrín 1947: ix). В главе I «Россия и ее литература до Пушкина» (*Russia and her Literature before Pushkin*) значительное место отводится характеристике царствования Петра I и его политики «освобождения» России «от груза “азиатской” традиции» (*from the weight of her “Asiatic” tradition*) и реформирования ее в «часть цивилизованной Европы» (*a part of civilized Europe*) (Lavrín 1947: 8). Роль положительных имагологических коннотаций в этом фрагменте очевидна.

Глава же о Пушкине практически открывается сравнением роли Петра I в исторической судьбе России с ролью Пушкина в развитии русской культуры: «Если Петр I “присоединил” Россию к Европе и, в то же время, сделал ее могущественной державой, то Александр Сергеевич Пушкин <...> достиг <...> подобных результатов в области русской литературы и <...> русской культуры в целом» / *If Peter I “annexed” Russia to Europe and at the same time turned her into a Great Power, Alexander Sergeyevich Pushkin <...> achieved <...> something similar with regard to Russian literature and, for that matter, Russian culture in general* (Lavrín 1947: 17). Эту параллель Лаврин, вслед за Бэрингом, объясняет не столько психологическим сходством двух гениев, не столько характером их одаренности, сколько этнопсихологическим основанием их личностей. Первоначально с имплицитной, а затем и с эксплицитной опорой на «Пушкинскую речь»

Достоевского и на размышления Мережковского о Пушкине и Петре ученый так поясняет подобие личностей царя и поэта¹:

«Они взаимоподобны в своей широте, в способности ассимилировать [чужое], в интуитивном схватывании духа времени, равно как в русскости характера; <...> их космополитические симпатии не <...> нарушили того, что было сущностно русским в обоих» / *They resembled each other in their broadness, their assimilative power, their intuitive awareness of the Zeitgeist, as well as in their Russian character; <...> their cosmopolitan sympathies did not <...> interfere with what was essentially Russian in both* (Lavrin 1947: 17.). И ниже: «Достоевский выше всего ставил в Пушкине сочетание русского духа с <...> всеобъемлющим универсализмом. Но и в последнем [универсализме] он видели сущностно русскую черту» / *Dostoevsky appreciated in Pushkin <...> above all the fusion of the Russian spirit with <...> all-embracing universality. But the latter was regarded by him as an essential Russian feature as well* (Lavrin 1947: 75).

В некотором смысле Лаврин идет дальше Бэринга и, объясняя глубокий интерес Пушкина к личности Петра, распространяет работу имагологических механизмов упрощения и уподобления на проведение исторических параллелей сомнительного, если не сказать антинаучного и антиисторического характера. Явственно опираясь на контекст общей осведомленности английского читателя о русском революционном движении и грандиозном социалистическом эксперименте, равно как на включенность научного дискурса о Пушкине в социологическую, марксистскую парадигму гуманитаристики, Лаврин делает следующее одностороннее умозаключение: «Пушкин не мог не встать на сторону Петра-революционера <...> он склонялся к прогрессивным буржуазно-либеральным взглядам, характерным для этого периода» / *Pushkin could not but side with Peter the revolutionary <...> he <...> adhered to the advanced bourgeois-liberal opinions of his period* (Lavrin 1947: 18).

При этом в описании места «Полтавы» в творчестве Пушкина Лаврин как бы совмещает культурно-исторический подход Бэринга с вниманием Мирского к особенностям жанровой формы поэмы. Он дает историческую справку о Северной войне и роли Полтавской битвы в ней, отмечает полемику Пушкина с Байроном, выделяет недостаток единства двух сюжетных линий — любовной

¹ У Бэринга эта опора присутствует имплицитно. О связи текста Бэринга с эссе Мережковского говорилось выше. Что касается отсылок к Достоевскому, Бэринг заключает свой рассказ о творческом пути Пушкина и месте его поэзии в русской литературе следующим положением: «<...> именно всеобъемлющая человечность — Достоевский называет это *πανάνθρωπος*, — именно способность понимать всех и вся делает его подлинно русским [гением]» / *it is just this all-embracing humanity — Dostoyevsky calls him *πανάνθρωπος* — this capacity for understanding everything and everybody, which makes him so profoundly Russian*. См.: (Baring 1915: 96). О религиозном подтексте высказываний Достоевского о Пушкине см., в частности: (Королева, Ковалева 2022).

и героической, высказывает мысль об установке автора на эпический тон повествования, указывает на успех и величие Пушкина в попытке создания национальной героико-эпической поэмы. Отдельно останавливается на историзме поэмы, отмечая соответствие обрисовке Пушкиным характера и действий Мазепы исторической правде: «Пушкин изобразил его на вершине его карьеры исторически правдиво — как жестокого, тщеславного старого интригана, плетущего заговор со шведским королем Карлом XII против Петра Великого» / *Pushkin portrayed him at the height of his career and true to history: as a cruel, vainglorious old intriguer plotting with the Swedish king Charles XII against Peter the Great* (Lavrin 1947: 108). Особое внимание обращает на структурную противопоставленность образов Мазепы и Петра как двух «сильных характеров», первый из которых воплощает страстность и амбициозность «настоящего эгоиста» (*great egoist*), второй же — «идею государства» (*Peter represents the idea of the State*) (Lavrin 1947: 109).

Глубоким проникновением в художественное своеобразие пушкинской поэмы отличается исследование, представленное в книге Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (*Pushkin. A Comparative Commentary*, 1971). Этой монографией («первым подробным англоязычным исследованием пушкинского творчества»), как она охарактеризована в аннотации [Bailey 1971: flyleaf]) открывается новая страница в английской пушкинистике — в том числе в отношении поэтики и художественного мира «Полтавы». Новизна результатов, изложенных в книге Бейли, во многом обусловлена сменой научной парадигмы: британский славист, преподаватель Оксфордского университета опирается на пушкиноведение Гуковского, сравнительно-исторический метод и методику пристального чтения. Внимание к достижениям советской пушкинистики, вчитывание в текст и глубокое проникновение в разнообразные социокультурные и межкультурные контексты, в межлитературные связи позволяет исследователю прийти не только к целостной, системной, разносторонней характеристике поэмы, но и к новым результатам. В «Полтаве» Бейли обнаруживает воздействие баллад В. Скотта и байроновских поэм; глубокую психологизацию образа Мазепы; эпическую дистанцию автора-рассказчика и драматизацию рассказа через диалоги; проблему столкновения личности и истории; реализм как взгляд на современность сквозь прошлое и на прошлое сквозь современность; тему отчужденности Мазепы от народа и национальной истории, выраженную в обеих сюжетных линиях поэмы. В связи с «Полтавой» в монографии подробно освещена философско-политическая полемика Пушкина с Рылеевым и его «Войнаровским» относительно оправданности революционного мятежа; выделен интерес Пушкина к историческим свидетельствам о Петре и его эпохе; отмечена убежденность поэта в том, что Петровская эпоха — ближайшая к нему реальность и что, кроме того, именно поэту принадлежит история народа (Bailey 1971: 107–127).

При этом Бейли удается практически полностью уйти не только от культурно-исторической и «этнофилософской» научной парадигмы, устоявшейся, как мы понимаем, в английском пушкиноведении к середине XX века, но и от воздействия имагологических механизмов на литературоведческий текст. Из традиционных смысловых акцентов в интерпретации не собственно «Полтавы», но пушкинского творчества в целом в монографии Бейли можно обнаружить лишь отсылку к Достоевскому и опору на его высказывания об «универсальности» пушкинского гения и подлинной историчности его реализма.

4. Заключение

На примере изучения английских литературоведческих работ о поэме Пушкина «Полтава» можно сделать промежуточные выводы относительно истории становления и развития английской пушкинистики. На избранном материале показано, что английская пушкинистика в форме устоявшегося канона была сформирована к 1950-м гг. в научно-просветительских книгах М. Бэринга, Д. Мирского и Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Приметой этого канона стала культурно-историческая парадигма филологического исследования, совмещенная с «этнофилософским» подходом к изучению национальной литературы, вниманием к биографии поэта и общим (исключающим глубокий анализ художественной структуры произведения) интересом к литературной форме и содержательному своеобразию произведения. Значительное воздействие на становление канона английской пушкинистики оказали работы Достоевского и Мережковского о Пушкине. Контекстом, опосредующим это воздействие, выступила работа имагологических механизмов. С их помощью творчество Пушкина оказалось вписано в такие близкие английскому читателю понятийные категории, как «европейское», «английское», «универсальное», «гениальное», «человечное». Особую роль в формировании канона английской пушкинистики сыграла ассоциация «Пушкин — Петр I» и категория «национальное (самобытное) русское», вступившая в сложные диалогические отношения с категорией «европейское»: «русское» на примере Пушкина (и Петра) представало одновременно вбирающим в себя «европейское», присваивающим его и — входящим в «европейское», расширяющим его изнутри.

Монография Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (1971) открывает собой новую страницу в истории английской пушкинистики. Уходя от культурно-исторического метода и «этнофилософского» подхода к интерпретации истории литературы, устоявшихся в английском пушкиноведении к середине XX века, исключая работу имагологических механизмов в литературоведческом исследовании, эта книга во многом оспаривает сложившийся английский

пушкиноведческий канон и предлагает новые ориентиры: сравнительно-историческую парадигму в сочетании с методикой пристального чтения и вниманием к советскому пушкиноведению.

Список литературы / References

- Британский союзник. 1946. № 7. 17 февраля. С. 10. [Britanskij sojuznik. (1946) (British Ally). № 7. February, 17. P. 10. (In Russian)].
- Володько А. В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165–178. [Volod'ko, Anna V. (2018) «Nepostizhimaja svjaz' mezhdu nami»: Moris Bering i Rossija ("The Inscrutable Power Between us" Maurice Baring and Russia). *Dialogue with Time*, Iss. 64, 165–178. (In Russian)].
- Гольшиева А. И. К вопросу об изучении творчества А. С. Пушкина в Англии // Пушкинский сборник. Псков: Псковский гос. пед. институт им. С. М. Кирова, 1962. С. 11–122. [Golysheva, Alisa I. (1962) K voprosu ob izuchenii tvorchestva A. S. Pushkina v Anglii (On the Issue of Studying the Creativity of A. S. Pushkin in England). In *Pushkinskij sbornik* (Essays on Pushkin). Pskov: Pskovskij gos. ped. institut im. S. M. Kirova, 11–122. (In Russian)].
- Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленигр. отд-ние, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 221–250. [Grigor'ev, Alexey L. (1974) Pushkin v zarubezhnom literaturovedenii (Pushkin in Foreign Literary Criticism). In *Pushkin: Issledovanija i materialy* (Pushkin: Research and Materials). Leningrad: Nauka. Lenigr. otd-nie, Vol. 7. Pushkin i mirovaja literature (Pushkin and World Literature), 221–250. (In Russian)].
- Ефимов М. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д. П. Святополк-Мирского [Электронный ресурс] // Звезда. 2019. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (дата обращения: 04.02.2024). [Efimov, Mihail. (2019) (2024, February 04) Ves'ma muchitel'noe svojstvo. K 80-letiju gibeli D. P. Svjatopolk-Mirskogo (A very Painful Property. On the 80th Anniversary of the Death of D. P. Svyatopolk-Mirsky). *Zvezda*, № 6. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (in Russian)].
- Казнина О. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 218–232. [Kaznina, Ol'ga D. (1990) Mirskij. Nesobrannye stat'i po russkoj literature (Misky. Uncollected Articles on Russian Literature). *Voprosy literatury*, 1, 218–232. (In Russian)].
- Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М.: Флинта, 2021. [Koroleva, Svetlana B. (2021) *Mifo Rossii v britanskoj kul'ture* (Myth of Russian in British Culture). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Королева С. Б., Ковалева М. Ю. Пушкин, Гоголь, Святая Русь: об особенностях рецепции Достоевским творчества Байрона // Эпистола. Филологический журнал. 2022. Т. 2. № 3. С. 75–86. [Koroleva, Svetlana B., & Kovaleva, Marina Ju. (2022) Pushkin, Gogol', Sv'ataja Rus': ob osobennostjah recepcii Dostoevskim tvorchestva Bajrona (Pushkin, Gogol, Holy Russia: on the Peculiarities of Dostoevsky's Reception of Byron's Work). *Epistle. Philological Journal*, Vol. 2, 3, 75–86. (In Russian)].

- Королева С. Б. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 139–157. [Koroleva, Svetlana B. (2023) Dialogicheskie konteksty hudozhestvennogo perevoda: Pushkin v interpretacii Morisa Beringa (Dialogical Contexts of Literary Translation: Pushkin in the Interpretation of Maurice Baring). In *Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura*. Vyp. 5. (Contemporary German Studies and Western European Literature. Iss. 5). Moscow: Flinta, 139–157. (In Russian)].
- Мережковский Д. С. Пушкин // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. М.: Наука, 2007. С. 229–297. [Merezhkovskij, Dmitry S. (2007) Pushkin (Pushkin). In Merezhkovskij, Dmitry S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury* (Eternal Companions. Portraits from World Literature). Moscow: Nauka, 229–297. (In Russian)].
- Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: НЛЮ, 2014. [Mirskij, Dmitry. (2014) *O literature i iskusstve: Stat'i i recenzii 1922–1937* / Sost., podg. tekstov, komment., mat-ly k bibliografii O. A. Korosteleva i M. V. Efimova; vstup. stat'ja Dzh. Smita. (On Literature and Art: Essays and Reviews 1922–1937). Moscow: NLO. (In Russian)].
- Смит Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937. М.: НЛЮ, 2014. С. 5–32. [Smith, George. (2014) Parabolы i paradoksy D. Mirskogo (Parabolas and Paradoxes of D. Mirsky). In Mirskij, Dmitry. *O literature i iskusstve: stat'i i recenzii, 1922–1937* (On Literature and Art: Essays and Reviews 1922–1937). Moscow: NLO. P. 5–32. (In Russian)].
- Супрун Т. Н. Английские русофилы на рубеже XIX–XX веков. Англичане с русской душой. [Электронный ресурс] // Виноград/ 2007. № 1 (17). URL: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954> (дата обращения: 12.02.2024). [Suprun, Tatiana N. (2007) (2024, February 12) Anglijskie rusofily na rubezhe XIX–XX vekov. Anglichane s russkoj dushoj (English Russophiles at the Turn of the 19th–20th centuries. Englishmen with a Russian Soul). *Vinograd*, 1 (17). Retrieved from: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954> (In Russian)].
- Baring, Maurice. (1911) *The Russian People*. London: Methuen and Co.
- Baring, Maurice. (1912) *Landmarks in Russian Literature*. New York: The Macmillan Co.
- Baring, Maurice. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Baring, Maurice. (1915) *An Outline of Russian Literature*. New York: H. Holt and Co; London: Williams and Norgate.
- Baring, Maurice. (comp.) (1971) *The Oxford book of Russian Verse*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayley, John. (1983) (2024, February 04) Looking in on Pushkin. *The New York Review*. February, 3. Retrieved from: <https://www.nybooks.com/articles/1983/02/03/looking-in-on-pushkin/>.
- Bayley, John. (1971) *Pushkin: a Comparative Commentary*. Cambridge: CUP.
- Haumant, Emile. (1911) *Pouchkine*. Paris: Bloud and C.
- Kana, Matsueda. (2022) (2024, February 04) To Study Russian Literature in English: The Perception of Maurice Baring and Dmitry Merezhkovsky in Modern Japan. In *Abstract Book of the XXIII Congress of the ICLA*, Vol. 23. Retrieved from: <https://icla.openjournals.ge/index.php/icla/article/view/5733>.
- Mirsky, Dmitry S. (1926) *Pushkin*. L.: George Routledge and sons, Ltd. N. Y.: E. P. Dutton and Co.
- Yarmolinsky, Abraham. (ed.) (1937) *Pushkin in English: A List of Works by and about Pushkin*: comp. by the Slavonic div. New York: The New York publ. libr.
- Lavrin, Janko. (1947) *Pushkin and Russian Literature*. L.: Hodder and Stoughton Ltd, for the English University Press.